

Она стояла на коленях, терпеливо ожидая, когда я достану член. Расстегнув у себя какие только были пуговицы, она приподняла рукой груди открывая больший вид на них, приглашая глаза участвовать, а члену давая повод быстрее окрепнуть. Но его не надо было уговаривать, он уже ждал. Ждал, готовый к любым испытаниям. Предварительно осмотрев мой член, сверху донизу, как бы оценивая предстоящий фронт работы, она ласково потеревила его, проверяя на твердость духа. Оголив до конца головку, заметила ее суховатость и решила добавить своей влаги. Вытащив наполовину язык, как маленькую ложечку полностью заполненную, она как бы опрокинула ее, опустив язык и слюна, сначала не сразу, а набираясь с решимостью, растягиваясь как капелька меда, достигла моей головки, обжигая своей теплотой и соединяя нас тончайшей нитью. Член весь напрягся и завибрировал в нетерпении. У меня аж скулы свело, как захотелось взорваться от этого вида. Прямо сейчас, и забрызгать все, разрушая эту красоту, как вандал, сознавая, что не в силах создать что-либо прекрасное. Поняв мое состояние, она прильнула к нему, заговорщицки прошептав.

— Подожди миленький, потерпи. Не дрожи так, я рядом-и трясь щекой о член, будто кошка, просящая добавки, промурлыкала.

— Я позабочусь о тебе.

Чтобы успокоится, я зажмурился, запустил ладони ей в волосы, погружая их как в воду. Мягкие, шелковистые они, как струйки воды, ласкали мне кожу. Но ее язычок не давал мне покоя, сначала неуверенно, намочив мошонку, а затем как бы испугавшись, что напачкал, тут же вытерев насухо. Губы видя, что язык не справляется, пришли ему на помощь. Мягко, но требовательно вбирая в себя каждое яичко по очереди, как чистоплотная хозяйка, теплым языком натирая их до блеска. Затем медленно отпускала, губами собирая оставшуюся влагу. Не в силах не видеть я открыл глаза. Эти алые труженицы, не дающие мне покоя, с забытой капелькой на верхней губе прятали от меня неутомимый в своем любопытстве язычок. Казалось, он уже обследовал каждую складку моей терзаемой кожи, но нет, он находил еще один пропущенный им участок и шаг за шагом, как к вершине, поднимался к головке. Я не мог оторвать взгляд от этих сладких, алых губ, казалось обиженных, что языку досталось больше. Они манили, они звали меня, прийти им на помощь. Я хотел впиться в них, втянуть их в себя полностью, истерзать, искусать и как проштрафившегося ребенка, наказать этот гадкий язычок, который так мучает меня. Не в силах контролировать возбуждение я инстинктивно сжал кулаки, не осознанно накручивая на них волосы.

— Не сейчас, потерпи еще чуть-чуть находясь как в тумане, услышал я шепот.

Чтобы перевести дух я отстранил ее лицо, приподняв к себе. Эти глаза, сколько в них страсти, желанья, но цвет. Я никогда не видел их цвет. Они голубые. Только одна мысль пронеслась у меня в голове.

— Боже, я же утону в них. Не смотреть.

— Идем ко мне... Ну же. — позвала она, призывно приоткрывая рот, а язык, как ковровой дорожкой, показывал путь. И видя мою нерешительность, сама положила головку на язык, успокаивая и одновременно зазывая к себе. И я пошел к ней. Губы, сжавшись при встрече, как бы испугавшись, что пускают постороннего, в святая святых, поддались и, ощупывая меня

вокруг, запустили внутрь. Что я чувствовал, это не передать словами. Как будто я вернулся домой. Я был дома. Тепло, ласково и все такое родное, так хотелось задержаться здесь. Но этот противный язычок не давал мне покоя, дразня и подталкивая меня к действиям. И я действовал. Как распоясавшийся постоялец, я ворвался внутрь, обследуя дальние закоулки. Неудовлетворенный одним местом, я переходил на другое. Я грубо пихал, требуя к себе большего внимания. Своей необузданной силой хотел подчинить, приручить этот язык. А он как лакей угождая и терпеливо снося мои надругательства, ласково направлял ничего не скрывая и приглашал остаться по дольше, раздражая меня своей покорностью. И вместе с тем, я хотел кричать. Заорать во весь голос.

— Родной, не останавливайся.

И я излился. Внутри. Наружу. Везде. Член как брандспойт, вырвавшийся из рук, брызгал во все стороны, выбрасывая все до остатка. Я иссяк. Зажмурившись от удовольствия, теперь опустошенный, я открыл глаза, страшась увидеть последствия. Бог ты мой, она возненавидит меня, что я сделал с ее лицом, но нет, смотрит ласково, улыбнулась. Она осторожно, как дитя предъявляют отцу показывая результат его работы, высунула язык со следами моего преступления, как бы призывая признать отцовство и увидев в моих глазах согласие, вобрала его и все проглотила.

— Все мое-сказала она и облизнув губы, устало добавила с надеждой глядя мне в глаза.

— И ты мой.

Твой. Хоть я и не осознал еще это, не прочувствовал, но был уверен, что никому не отдам эти голубые глаза. И смотря в них, я сказал только одно.

— Я не умею плавать.